

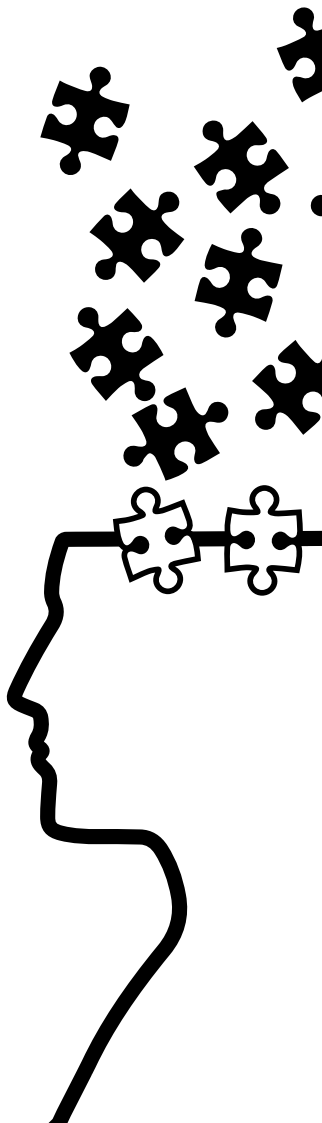
like
book

RAY

BRADBURY

Zen in the Art

of Writing

РЭЙ

БРЭДБЕРИ

Дзен в искусстве

написания книг

МОСКВА

2017

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Ray Bradbury

ZEN IN THE ART OF WRITING

Copyright © 1990 by Ray Bradbury Enterprises

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Перевод стихотворений *Ю. Качалкиной*

Оформление серии и обложки: Александр Кудрявцев,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»

Брэдбери, Рэй.

Б89 Дзен в искусстве написания книг / Рэй Брэдбери ; [пер. с англ. Т. Ю. Покидаевой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 224 с. — (#правильные_книги).

ISBN 978-5-699-98859-4

Эта книга – медитация о том, что такое быть писателем и как писателями становятся. Как рождается сюжет? Как появляется замысел? И вообще — в какой момент человек понимает, что писать книги — и есть его предназначение?

Но это отнюдь не скучные и пафосные заметки мэтра. Рэй Брэдбери делится писательской мудростью с легкостью и юмором человека, у которого за плечами несколько десятков книг разных жанров. Уж он-то мастерски владеет искусством написания книг, не сомневайтесь.

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Покидаева Т., перевод
на русский язык, 2017
© Качалкина Ю., перевод
стихотворений, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98859-4

Дзен
в искусстве
написания книг

*Лучшему из моих учителей,
Дженнет Джонсон, с любовью*

КАК ЗАБРАТЬСЯ
НА ДРЕВО ЖИЗНИ,
КИДАТЬСЯ КАМНЯМИ
В СЕБЯ САМОГО
И СПУСТИТЬСЯ НА ЗЕМЛЮ,
НЕ СЛОМАВ СЕБЕ ШЕЮ
И НЕ СЛОМИВ ДУХ

Предисловие с названием,
немногим длинней самой книги

Иногда я поражаюсь способности девятилетнего себя видеть ловушки и не попадаться.

Как могло получиться, что мальчишка-четвероклассник, которым я был в октябре 1929-го, из-за насмешек школьных друзей разорвал свои комиксы с Баком Роджерсом, а через месяц рассудил, что все его друзья — идиоты, и начал опять собирать коллекцию?

Откуда взялась эта сила и рассудительность? Какие из моих тогдашних переживаний пробудили способность сказать: я словно мертвый. Кто меня убивает? От чего я страдаю? Чем это лечится?

Нет сомнений — я смог ответить на эти вопросы. Я выявил болезнь: собственноручно разорванные комиксы. Я нашел лекарство: снова начать собирать коллекцию, несмотря ни на что.

Я так сделал. И выздоровел.

И тем не менее... В таком возрасте? Когда нам привычнее прогибаться под давлением сверстников?

Где я взял смелость сопротивляться, изменить свою жизнь, перестать быть как все?

Не хотелось бы все это преувеличивать, но мне, черт возьми, нравится этот девятилетний мальчишка, кем бы он ни был. Без него я бы не выжил и не писал бы сейчас предисловие к этой книге.

Конечно, отчасти все объясняется моей безумной влюбленностью в Бака Роджерса. Меня убивала сама мысль о том, что мой герой — моя любовь, моя жизнь — уничтожен. Это как если бы твой лучший друг, твой закадычный

приятель, центр всей твоей жизни, вдруг утонул или его застрелили бы из ружья. Погибших друзей не спасешь от могилы. Но я догадался: у Бака Роджерса может быть вторая жизнь, если я так захочу. И я сделал ему искусственное дыхание, и — глядите! — он сел и сказал: «Знаешь, что? Кричи. Прыгай. Играй. Сделай этих сукиных сынков. Они никогда не сумеют жить так, как ты. Давай. Вперед».

Только собачьих детей я, само собой, не упоминал. Такого не разрешалось.

— Черт! — вот самое большое, что я себе позволял в смысле крепости выражений. Живи!

И я собирал комиксы, и влюблялся в бродячие цирки и Всемирные выставки, и начал писать. И чему же, вы спросите, учит писательство?

Во-первых, оно напоминает о том, что мы живы, что жизнь — привилегия и подарок, а вовсе не право. Если нас одарили жизнью, надо ее отслужить. Жизнь требует что-то взамен, потому что дала нам великое благо — одушевленность.

И пусть искусство не может, как бы нам этого ни хотелось, спасти нас от войн и лишений,

зависти, жадности, старости или смерти, оно может хотя бы придать нам сил.

Во-вторых, писательство — это вопрос выживания. Как, разумеется, и любое искусство, любая хорошо сделанная работа.

Для многих из нас не писать — все равно что умереть.

Каждый день мы берем в руки оружие, скорее всего, заведомо зная, что битву не выиграть до конца, но все равно надо сражаться, пусть в меру сил, но надо. Даже стремление победить в каком-то смысле уже означает победу под конец каждого дня. Вспомним того пианиста, который сказал: «Если я не репетирую один день — это услышу я сам. Если не репетирую два дня подряд — это услышат критики. На третий день — это услышит весь зал».

То же самое верно и для писателей. Конечно, за несколько дней простоя твой стиль, каким бы он ни был, форму не потеряет.

Но вот что случится: мир догонит тебя и попытается одолеть. Если не будешь писать каждый день, яд постепенно накопится, и ты начнешь умирать, или безумствовать, или и то и другое.

**# Писатель-
ство —**

*это вопрос
выживания.*

Нужно опьяняться и насыщаться творчеством, и реальность не сможет тебя уничтожить.

Потому что писательство дает столько правды жизни в правильных дозах, сколько ты в состоянии съесть, выпить и переварить без того, чтобы потом судорожно ловить воздух ртом и биться, как умирающая рыбешка.

За время разъездов я понял, что, если не пишу один день, мне становится не по себе. Два дня — и меня начинает трясти. Три — и я близок к безумию. Четыре — и меня корежит, как свинью при поносе. Один час за пишущей машинкой бодрит мгновенно. Я на ногах. Бегаю кругами, как заведенный, и громко требую чистые носки.

О чем и пойдет речь в этой книге. Так или иначе.

Каждое утро принимайте щепотку мышьяка, чтобы дожить до заката. На закате — еще щепотку, чтобы продержаться до следующего рассвета.

Микродозы мышьяка, проглоченные сейчас, готовят к тому, чтобы не отравиться потом.

Работа в гуще жизни и есть та самая дозировка. Чтобы управляться с жизнью, бросай-

те вверх разноцветные шары, пусть они перемешаются с темными, пусть смеси красок создадут вариации правды. Мы приникаем к прекрасным и благородным явлениям жизни, чтобы примириться с ужасами и бедой, поражающими нас напрямую, через родных и друзей, или же через газеты и телевидение.

Отрицать ужасы невозможно. У кого из нас не было друга, умершего от рака? У кого в семье не было случая смерти или увечья в автокатастрофе? Я не знаю таких людей.

В моем собственном близком кругу автомобильные аварии унесли тетю, дядю, двоюродного брата и шестерых друзей. Список бесконечен и угнетает, если не сопротивляться творчеством.

Это значит — писательство исцеляет. Безусловно, не полностью. Ты никогда до конца не сможешь оправиться после тяжелой болезни родителей или смерти любимого человека.

Я не хочу использовать слово «терапия», слишком холодное, слишком стерильное слово. Я вот что скажу: когда смерть останавливает других, ты должен взбежать на трамплин

и нырнуть головой вперед в пишущую машинку.

Художники и поэты иных времен, давно ушедших времен, хорошо знали все, о чем я сейчас говорю и о чем написал в нижеследующих эссе. Аристотель уж сколько веков говорит то же самое. А вы давно слушали Аристотеля?

Эти эссе я писал в разное время, на протяжении тридцати с лишним лет, чтобы рассказать о конкретных открытиях и решить конкретные задачи. Но в них во всех звучит эхо все той же правды — правды взрывного самообнаружения и непрерывного изумления тому, что скрывают глубины твоего собственного колодца, если туда хотя бы просто заглянуть или крикнуть.

Прямо сейчас, когда я работаю над предисловием, пришло письмо от одного молодого неизвестного автора. Он пишет, что собирается жить под девизом, взятым из моего «Конвектора Тойнби».

«...обманываешь себя и стараешься, чтобы обман стал правдой... в итоге, все вокруг — обещание... то, что кажется ложью, есть при-